В диссертационный совет 24.2.336.01, созданный на базе ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
По адресу: г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, дом 9

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
на диссертацию Шапортова Дмитрия Александровича
на тему: «Освобождение от ответственности по Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.: соотношение с национальным правом»,
представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Актуальность работы. Работа соискателя исследует режим отрицательных имущественных последствий в результате неисполнения обязательств из международной купли-продажи движимых материальных вещей согласно нормам Венской конвенции ООН 1980 года (далее – «Конвенция») и гражданскому законодательству.

Названный международный документ имеет своим назначением внедрение одинаковых трактовок основополагающих подходов и через него создание единообразного правоприменения в области наиболее динамичного товарообмена, опосредуемого договорной моделью поставки, с целью преодоления юридического партикуляризма, ненужного многообразия концепций и решений в делах с участием иностранных субъектов, дабы международная торговля опиралась на одинаковую правовую основу в ее фундаментальных установлениях для стран-участниц Конвенции.

При активном анализировании названной темы специалистами разных стран продолжается обсуждение конкурирующих положений о сфере действия статей Конвенции, в первую очередь об освобождении от имущественной ответственности продавцов либо покупателей, сообразно компромиссной формуле

«о препятствии вне контроля» (ст. 79 Конвенции) исполняющего субъекта ее смыслового охвата, заключающегося в прояснении вопроса о том, насколько она поглощает институты национального законодательства об исключении санкций за неисполнение договоров, такие как случай, непреодолимая сила, невозможность исполнения, существенное изменение обстоятельств, недействительность сделок, несправедливость условий, автономия воли; ввиду продолжающейся научной полемики по этим вопросам, работа является **актуальной**.

Новизна, по мнению диссертанта, заключается: «в том, что впервые выработано целостное представление о препятствии вне контроля согласно Конвенции 1980 года» (стр. 7–8). По нашему мнению, автором действительно предложен свой взгляд о сути названного положения, роли внутренних либо внешних пробелов в регулировании Конвенцией.

Согласно тексту, они должны заполняться либо посредством принципа, на котором она основана с учетом международного характера, либо путем обращения к коллизионным нормам в РФ, отсылающим к применению закона продавца.

Первое, т.е. расширительное значение принципов, побуждает распространительно толковать оговорку о препятствии вне контроля, вплоть до того, что она включает и оценку виновности, так как вина раскрывается через дефицит заботливости и осмотрительности, изменение обстоятельств, форс-мажор и, само собой разумеется, невозможность исполнения.

Практическая значимость работы заключается в попытке усовершенствовать доктринальные суждения о юридическом значении формулы освобождения от исполнения согласно Конвенции, о ее соотношении с двумя главными основаниями избежать ответственности в российском гражданском праве. При том, что суждения автора, приводимые им точки зрения могут использоваться участниками экономических связей, так как Конвенция согласно ст. 6 является диспозитивной, и формула «препятствие вне контроля» может быть заменена любыми другими положениями, заимствованными из других конвенций, национальных правовых систем, обычаев, которые приводит автор, осуществляя сравнительный анализ.

Автор заявляет **основной целью** своего исследования – раскрыть содержание и уяснить понимание смысловых границ правового шаблона –

«препятствие вне контроля» с позиции российского правоприменителя, особенно в случаях субсидиарного обращения к ГК РФ, где присутствуют статьи о существенном изменении обстоятельств, непреодолимой силе, невозможности исполнения и другие названные нами основания.

При этом соискатель включает в свой анализ такую оценку, как существенность задержки исполнения, позволяющую, по мнению диссертанта, одностороннее расторжение договора уведомлением без взыскания убытков (стр. 9). Комментарии будут ниже.

Соискатель излагает **11 задач** своей работы (стр. 7), среди которых правовая квалификация санкционных ограничений, однако среди этого списка фигурируют вопросы, ответы на которые как будто бы само собой разумеются: это взыскание неустоек при обстоятельствах вне контроля, и такая необычно звучащая задача, как «выявление ограничений свободы воли договора при определении форс-мажора».

Во всех правовых системах и не только в России положение о непреодолимой силе диспозитивное, предполагающее широкое усмотрение сторон, о чем в ст. 6 Венской конвенции имеется положение о праве контрагентов заменить или уточнить любое положение Венской конвенции.

По-видимому, автор невнимательно отнесся к ст. 6, где возможно принять «стороны» за участников Конвенции государств. Однако ознакомление с текстом дает недвусмысленное заключение, что речь идет о частных субъектах.

Далее обращает на себя внимание следующая цитата из текста соискателя: «Нормативная и эмпирическая основы исследований включают нормы Конвенции, а также негосударственного регулирования (*lex mercatoria*)» (с. 6). И здесь диссертант упускает то, что *lex mercatoria* и негосударственное регулирование – понятия разные, и случаев последнего гораздо больше, например, Принципы европейского контрактного права и Модельные правила европейского частного права не являются *lex mercatoria*, они просто негосударственные кодификационные акты, в которых предусмотрены различные основания избавления от финансовых санкций.

Теоретическая основа исследования, его предмет и объект диктует анализ нормативных актов судебной практики и доктрины иностранных государств, участников Конвенции, и не потому что так складывается при обычном

сравнительно-правовом методе изучения научных тем, а потому что задача единообразного применения в виде обязательства Российской Федерации как участника Конвенции (ст. 7) это необходимо предполагает, о чем автор мог бы упомянуть. Правоприменители РФ также обязаны исходить из предпочтительности уже сложившихся трактовок, понятий и положений Конвенции. При этом необходимо исключить английское право, поскольку в связи с этим международным документом восполнение его пробелов английским правом не предполагается.

Великобритания не есть участник Конвенции, хотя активнейшим образом вовлекалась в ее разработку и способствовала внедрению совершенно определенных формулировок. Соискатель все же пишет об английском праве, приводит оксфордские источники (стр. 20, 43, 100), ссылается на английских авторов и несколько раз на профессора Е. Маккендрика (стр. 43, 90, 93, 105) и т.п.

Третейские суды, разрешая споры на базе Конвенции, также обязаны руководствоваться задачей единообразного применения Конвенции, хотя и необязательно должны следовать канонам собственной, т.е. в их государствах, судебной практики.

Диссертантом никак не использована монография МГЮА за 2023 г. «Право в условиях санкций» (Право в условиях санкций : монография / под общ. ред. М. В. Мажориной, Б. А. Шахназарова. — М. : Проспект, 2023). Автор использует недостаточное количество **литературы**. Он называет всего семь правоведов, как пишущих на заявленную им тему.

Всего автором использовано около 30 российских и чуть более 40 зарубежных статей, в то время как прямо по заявленной теме о Конвенции и применении ст. 79 написано на английском языке гораздо больше работ.

Соискатель более подробно и обстоятельно, чем другие авторы, раскрывает значение термина «препятствия вне контроля» должника, помещая эту формулу в сравнительный, общегражданский и международно-правовой контекст. И так как известны назначение, происхождение, идея названного понятия как компромиссной правовой матрицы, порождающей единообразные имущественные результаты в делах об уплате неустоек и убытков, сосредотачивается на

соотношении названного правового понятия с форс-мажором, c*lausula rebus sic stantibus* и их аналогиями в США, других стран common law.

Исследование построено как по горизонтали, по различным юрисдикциям, так и вертикали, доходя до верхнего пункта регулирования, когда ответственность не возникает ввиду прекращения самого обязательства невозможностью его исполнения, ниже следует институт непреодолимой силы, когда ответственность аннулируется ввиду обстоятельства от нее освобождающего, далее может идти существенное изменение обстоятельств, и, как это фигурирует в западных разработках, «затруднения» при исполнении договоров и ниже отсутствие вины или действие случая при виновной ответственности. Еще при продолжении идет недействительность самого договора, сделок или несправедливость условий (п. 3 ст. 428 ГК РФ), чего уже диссертант не касается.

Одним из наиболее, казалось бы, ценных и своевременных выводов автора мы бы назвали отсутствие «затруднительности исполнения» в зоне операционного действия ст. 79 Конвенции об освобождении от ответственности (стр. 101). Противоположная позиция о том, что затруднение, причем односторонне оцениваемое по Конвенции, в отличие от парадигмы судебного контроля в РФ, DCRF, ICC повлечет падение дисциплины поставок и дезорганизацию оборота, и его зависимость от частного и даже недобросовестного произвола. Однако конечный вывод соискателя все же в том, что существенность изменения обстоятельств при применении Конвенции заявить невозможно (стр. 135–136). О чем подробнее ниже.

Уместно напомнить, что, в отличие от всех договоров, поставка уже лишилась судебного контроля при существенном нарушении договора, влекущем его расторжение уведомлением и с правом взыскания убытков (ст. 523 ГК РФ). И как будто бы можно распространить данную парадигму и на затруднения в исполнении, однако это не так. При этом соискатель утверждает, что доктрина затруднений воспринята в РФ (стр. 8) в ее действующем ГК, с чем трудно согласиться, поскольку существенное изменение обстоятельств, влекущих значительное изменение имущественной цели договора, как минимум порождали бы «значительно отличающиеся условия», а не просто затруднения.

Авторы многих публикаций по специальности 5.1.3., куда входит и международное частное право, забывают, что проблемы существуют в конкретном правовом аспекте. При установлении смысла и назначении наднациональных норм необходимо руководствоваться другой Венской конвенцией 1969 года о праве международных договоров и всеми аутентичными текстами. И при двусмысленности положения все эти языковые версии должны согласовывать его смысл (ст. 33 Венской конвенции 1969 г.).

И на это совершенно справедливо обращает внимание соискатель. При этом он подчеркивает особую важность английского языка, на котором обсуждали, общались разработчики. Позитивным и полезным не только для научной, но и практикующей аудитории выглядит подбор реальной живой практики как государственных, так и международных третейских судов, имея в виду тезис о цели единообразного применения Конвенции 1980 года в работе. На эти решения можно и нужно ссылаться в идущих и предстоящих судебных и арбитражных процессах.

Переходим к критическим комментариям. В положении 3, выносимом на защиту (стр. 9 диссертации), автор допускает сразу два правовых огреха, утверждая, что расторжение договора приводит к автоматическому возврату всего переданного по сделке. При этом не уточняется по какому регулированию. Если речь идет о России, то расторжение договора приводит к прекращению обязательства и последствиям неосновательного обогащения, а если договор расторгнут ввиду существенного его нарушения, то это дает право стороне, расторгнувшей договор, требовать возмещения убытков.

По Конвенции автоматического возврата также не происходит, но у сторон есть право истребования по реституционному иску (ст. 81 Конвенции).

В положении 5 говорится о квалификации на основе закона суда – ограничительных мер недружественных стран. Однако речь о квалификации по lex fori в международном частном праве возникает только применительно к понятиям гражданского законодательства и коллизионных норм по lex fori, а не к актам публичной власти иностранного государства, когда речь может идти только о их признании или непризнании (стр. 10).

Далее в положении 9, выносимом на защиту, утверждается, что штрафная неустойка при наличии препятствий вне контроля должна определяться по субсидиарно применимому национальному праву, которое, в том числе и в России, исходит от императивного предписания о ничтожности подобных договорных положений. Здесь диссертантом допущена неточность, поскольку ГК РФ допускает диспозитивное регулирование данного вопроса, если за какое-то из обстоятельств, создающих невозможность исполнения, или проявление непреодолимой силы отвечает названная в договоре сторона (ст. 401, 416 ГК РФ).

Применительно к положению 10. Здесь говорится, что размер процентов из-за просрочки является внутренним пробелом конвенционного регулирования и подлежит определению национальным правом.

Однако в соответствии с предложенной характеристикой любой внешний, а не внутренний пробел заполняется субсидиарным обращением к национальному праву.

Как упоминалось, автор отождествляет существенное изменение обстоятельств и затруднения при исполнении договорных обязательств, дающих возможность отрицать юридическую связанность стороны, делая вывод о том, что затруднения являются здесь ни внутренним и ни внешним пробелом, и это требует пояснения.

Проблема заключается в том, что вопросы, возникающие по делу, в первую очередь связанные с исковыми требованиями, но не только, должны разрешаться либо применимым правом, либо Конвенцией и ее принципами, а не каким-либо третьим образом. Поэтому условные обозначения в виде внутреннего либо внешнего пробела, казалось бы, должны подразделяться на те, которые заставляют обратиться либо к принципам, либо к коллизионной норме.

Однако на стр. 11 в положении 7, выносимом на защиту, мы читаем: «Конвенция 1980 года не урегулировала вопросы применения института затруднений, а значит, не содержит внутреннего пробела в этой сфере. Следовательно, разрешить данный вопрос путем применения общих принципов, на которых она основана, или национального регулирования невозможно;

– затруднения не могут рассматриваться как внешний пробел в конвенционном регулировании, допускающем субсидиарное применение

национального права, так как Конвенция 1980 года содержит статью 79, которая определяет условия и последствия наступления "препятствий вне контроля"». Отсюда вытекает, что автор утверждает, что rebus sic stantibus при применении Конвенции вовсе не должно использоваться. Тем самым продвигая англосаксонскую точку зрения, инициированную Великобританией в рабочих группах, при том, что она не присоединилась к Конвенции, о том, что при существенном изменении обстоятельств, либо затруднениях можно в одностороннем порядке не исполнять договор и избежать неблагоприятных имущественных последствий, основываясь на односторонних оценках, ведя переговоры, торгуясь и оказывая давление на другую сторону. Такая точка зрения и концепция будет работать не в пользу стабильности трансграничного гражданского оборота.

Представляется чересчур идеалистическими рассуждения соискателя на тему препятствий вне контроля исполняющего. Он начинает главу 1 параграфа 2 словами: «Все препятствия, которые возникают при исполнении обязательства, являются юридическими фактами». Далее следуют рассуждения с обильными сносками на иностранные судебные процессы. И вроде бы они, процессы, посвящены доказыванию этого важного тезиса, напрямую относящегося к теме работы. Однако это не так. Разрозненные решения рассматривают изолированно в разных ситуациях, и общий вывод из них неочевиден. При этом во многих случаях – это суды США. И названный фундаментальный научный концепт не присутствует у автора в положениях, выносимых на защиту. Хотя звучит этот тезис громко и революционно.

Являются полезными и логическими теоретические рассуждения автора о правовом значении санкций – нормативных и дискриминационных, избирательных. Диссертант предлагает рассматривать их в качестве вопросов факта, переводя решение вопроса о препятствиях в область доказывания. В контексте сказанного справедливо отмечается, что речь идет о чужих запретительных актах, а не российских, которые орган разрешения споров должен принимать как нормы, обозначенные в ст. 1192 ГК РФ, прямого действия.

Любопытны рассуждения в диссертации на тему об определении форс-мажорных обстоятельств. Само собой разумеется, что широко используемая

трактовка вне контроля может заключать формулу, выражающую по смыслу непреодолимую силу «форс-мажор», с чем согласен автор, и его рассуждения на эту тему понятны.

Вместе с тем диссертант забывает сказать, что в российском гражданском праве форс-мажорная оговорка не имеет такое свойство, как «непредвидимость». Поэтому обстоятельства, чрезвычайные и непредотвратимые, могут быть предвидимыми. Например, перспектива военных действий или иных катаклизмов. При этом, при сопоставлении института непреодолимой силы с препятствиями вне контроля, которые при распространенном толковании непредвидимы, дает нам вывод о том, что по российскому праву (ст. 401 ГК РФ), если иное не предусмотрено договором, непреодолимая сила как понятие, охватывающее определенный спектр жизненных явлений, в чем-то шире, чем обстоятельства вне контроля, поскольку непреодолимая сила чрезвычайна и непредотвратима, но не является непредвидимой.

Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на вышесказанную критику, диссертация Шапортова Дмитрия Александровича на тему «Освобождение от ответственности по Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.: соотношение с национальным правом», представленная на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки», является самостоятельной законченной научно-квалификационной работой, обладает внутренним единством, содержит теоретически и практико-ориентированные выводы, а также предложения, имеющие значение для развития международного частного права и совершенствования правоприменения. Содержание работы и характер полученных результатов свидетельствуют о личном вкладе соискателя в разработку заявленной проблематики. Основные положения исследования доведены до научного сообщества в ходе обсуждения и апробации и отражены в публикациях автора.

Автореферат диссертации в достаточной мере отражает основное содержание диссертационной работы.

Диссертация по своему научному уровню, степени обоснованности и достоверности выводов, научной новизне и значимости результатов соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени

кандидата юридических наук Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842. Автор диссертации Шапортов Дмитрий Александрович заслуживает присуждения искомой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

Официальный оппонент:

доктор юридических наук, профессор кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» _____ / Монастырский Ю.Э.

«27» 08 2026 г.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Адрес: 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Тел.: +7

E-mail: monastyrsky@mzs.ru

Адрес официального сайта: https://mgimo.ru/

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 12.00.03 – «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право».

ПОДПИСЬ Монастырского заверяю

Специалист по кадрам

Управление по работе с персоналом

Н.В. Кузнецова

«27» 08 2026 г.